

Петир посмотрел на пустую кружку на низком столике, прежде чем позвать слугу привычным уверенным голосом:

- Джеррик, вина, - сказал он. Петир нахмурился, когда не услышал ответа от прекрасно вышколенного слуги.

- Джеррик, - воскликнул он снова.

Это неприемлемо, - подумал Петир, покачивая головой. Он был уверен, что Джеррик не такой слуга, как предыдущий... жаль, действительно жаль. Он встал с кресла и открыл дверь личной каюты, чтобы увидеть Джеррика, который прислонился к деревянной перегородке; кровь медленно стекала с шеи и капала на штаны.

У Бейлиша перехватило дыхание от ужаса, он нащупывая рукой кинжал, оглядываясь в коридор, сердце забилося вдвое быстрее, когда он никого там не увидел.

Нет, подумал он панически. Петир нервно двинулся вперед, кинжал дрожал в ладони словно листок на ветру.

Я должен выбраться отсюда, - подумалось ему, когда он продолжил движение, ускоряясь после следующего поворота. Он наткнулся на двух членов экипажа: у одного была перерезана глотка, у другого лицо застыло с паническим выражением, лужа крови собралась вокруг него, вытекая из пустой глазницы.

Бейлиш чувствовал себя так, будто попал в ночной кошмар, устремившись вперед по коридорам и карабкаясь лестницами, находя одного за другим тела своих моряков, убитых тем или иным способом.

Эти коридоры, словно из самого ада, оказались слишком сильным ударом для его психики, поэтому он наконец выбежал на палубу, задыхаясь от страха, еще и холодный порыв ночного ветра проморозил его до самых костей. Он застыл как статуя, когда заметил принца, облаченного в темные вещи, закрывающие всё кроме лица; юноша как раз разливал ламповое масло на кучу хлама возле главной мачты.

- О, Бейлиш, а я уже заждался тебя, - сказал он, глядя на врага, прежде чем вернуться к предыдущему занятию с видом заскучавшего моряка, у которого впереди не один час однообразной работы.

Бейлиш проглотил слюну, хватаясь за косяк двери, оглянулся по палубу и заметил десяток моряков плюс полдюжета специально нанятых для защиты наемников: все были мертвы. Волны раскачивали корабль из стороны в сторону, с отсутствием экипажа это качание становилось все более опасным.

- Ты действительно считал, что будешь здесь в безопасности, а? - спросил Джоффри, покачивая головой, и вылил немного масла на рулоны скрученного полотна,

- Должен признать, двойной блеф оказался интересным шагом. Нужно иметь большие яйца, чтобы обставить отбытия твоего официального судна таким нескрываемым способом и на самом деле сесть туда, вместо путешествия в той твоей маленькой тайной карете по Королевскому пути, - добавил Джоффри, нахмурившись разглядывая разлитое масло.

Бейлиш рванулся к краю корабля, бросив взгляд на мрачное море и заметив отсутствие привычной малой шлюпки...но увидел побережье на довольно близком расстоянии.

- На твоём месте я бы этого не делал. Я все равно выловлю тебя из воды, но тогда я буду мокрым и разъяренным. Поверь, ты этого не хочешь, - сказал сумасшедший принц и дернул за веревку, и последний парус корабля сложился сам по себе.

- Что... - Бейлиш запнулся, пытаясь собраться с мыслями, и решил прибегнуть к импровизации; это умение еще никогда его не подводило:

- Конечно, мой принц, - начал он привычным ласковым голосом, в котором не слышалось ни тени тревоги,

- Вы выиграли в нашей маленькой игре и доказали, что стали лучшим игроком среди нас, это я признаю. Вы лично убедились в моем умении строить то, что большинству дворян и не снилось... - он сделал паузу на мгновение, чтобы усилить эффект от слов, прежде чем продолжить,

- Я могу оказаться мощным союзником, которого выгоднее будет иметь на своей стороне, и все это по цене нескольких незначительных уступок, конечно, меньше, чем то, что вы уже уничтожили... Чего бы вы не пожелали - я это достану, - добавил он с убеждением в голосе.

Мысленная модель принца Джоффри в голове Петира немного деформировалась от последних событий, однако он лихорадочно реконструировал ее, пока говорил, добавляя веские догадки и идеи. Тот дух, что каким-то образом овладел телом наследного принца, был безжалостным, чрезвычайно умелым и в общем компетентным. Юношу не волновала ни честь, ни дворянская гордость, но он мог очень точно сосредоточиться на достижении поставленной цели. С таким человеком можно договориться.

Джоффри смотрел на него с грустной, немного озадаченной улыбкой:

- То, чего я хочу... ты не сможешь мне дать, мастер-над-монетой. Я желаю счастья для людей и хорошей власти для королевств, желаю, чтобы мои друзья меня помнили, желаю голыми руками набить морду Королю Ночи... Я вновь желаю увидеть все чудеса этого мира, хотя бы часть из них... - он прервался, глядя в ночное небо,

- А больше всего я желаю заснуть... так... сном без сновидений, вечным сном... Я чувствую себя так, словно не спал полноценным сном уже с десяток лет... - продолжил юноша, переводя взгляд обратно на Бейлиша,

- Знаешь, в последнее время единственным, что послужило мне мотивацией для вставания из проклятого кровати - было желание увидеть твои страдания. Да, это довольно иронично, знаю, - он захихикал, вытирая руки от масла ветошью,

- После сегодняшней ночи даже и не знаю, буду иметь достаточно силы воли, чтобы двигаться вперед... - сказал он, шагая к врагу, остановился за несколько метров и оперся спиной на кормовую мачту, рассматривая Бейлиша. Тот имел вид, будто желает продолжить разговор.

Его поедает меланхолия, ужасная меланхолия... возможно даже со склонностью к

самоубийству, - лихорадочно думал Петир, сдерживая панические порывы и сохраняя спокойствие тела и осанку, а также аккуратно вернул кинжал в ножны. Он всегда любил читать и читал труд мастера Гвиллиама "О настроении ума", даже несколько раз подряд, каждый раз находя там интересные нюансы среди ненужного словесного хлама; нюансы, которые не раз служили ему, даже когда он наполовину забывал текст. Возможно, он сможет...

- Я восхищаюсь тобой, можешь в это поверить? Твой ум всегда в действии, всегда планирует следующий шаг, всегда готов к неожиданному повороту, умеет импровизировать... Ты мог бы стать таким ценным приобретением для государства... - Джоффри запнулся, имея разочарованный вид.

- Я и до сих пор могу им стать, Джоффри, наши амбиции не являются противоположными, мы можем обсудить...

- Остановись, - приказал Джоффри, закрывая Бейлишу рот одним словом. Он покачал головой с раздражением:

- Что я вообще сейчас делаю? Долбанный Бейлиш... долбанный Бейлиш, - повторил он, тон звучания этих фраз вызвал появление мурашек вдоль позвоночника Петира, лицо Джоффри приобрело гневный, даже ненавистный оттенок.

- Твое тело никогда не найдут. Твой корабль сгорит по самую ватерлинию и утонет в глубинах Черноводной. Все будут спрашивать друг друга о судьбе лорда Петира Бейлиша, подлеца и вора, которого никто уже никогда не увидит в этой жизни, - пообещал он с жестоким оскалом.

Петир проглотил что-то едкое, пытаясь снова придать голосу прежней твердости, и начал медленно отклоняться в левую сторону:

- Ты хочешь сжечь меня? - спросил он, выигрывая толику времени.

Джоффри странно посмотрел на него, прежде чем скривить лицо, и жуткий, неконтролируемый хохот вырвался из его глотки. Джоффри хохотал и хохотал, словно услышал самую лучшую шутку в жизни. У Петира все волосы на теле дыбом встали, когда Джоффри посмотрел на него еще раз, до сих пор пытаясь сдержать неуместный смех.

- Ох, Бейлиш... ах ты, несчастный и невежественный придурок... Я должен был бы пожалеть тебя, но в конце концов это мне начинает нравиться! Сжечь тебя? Боюсь, что это слишком быстрая смерть для тебя. Нет, я собираюсь подвергнуть тебя пыткам, пока не вытащу последние толики информации, которую пока что пропустил, и тогда я просто продолжу дальше, пока твое изуродованное тело перестанет дышать. Вот что я с тобой сделаю, - сказал он, подмигивая.

Бейлиш не смог сдержать сумасшедшего крика ужаса, сорвавшийся с его уст, а сердце забилось в груди словно гонг, руки дрожали, когда он бросился к заряженному арбалету, что лежал на палубе, и который он заметил за мгновение до того, вдруг он схватил его и повернулся к Джоффри. Принц уже стоял прямо перед ним и отклонил конец арбалета на пару сантиметров, прежде чем Петир успел нажать на спусковой крючок. Болт безопасно вылетел и потерялся в темной холодной ночи.

- Предлагаю начать, как думаешь? - сказал Джоффри, когда кинжал выпал из парализованных пальцев Бейлиша и ударился об палубу.

Петир о помощи у всем, у любого, кто мог бы его услышать, пока Тень тянула его за ногу по палубе внутрь корабля, насвистывая "Рейны из Кастамере" ужасно фальшивя при этом.

Глубины его собственной души тянулись вплоть до пурпурного горизонта вдаль, сознание вернулась к месту, откуда его так грубо вырвали. Он исследовал то пустое место силой самосознания, приближаясь ближе к нему, пытаясь понять, чего же именно там, среди теней и извилистых контуров, не хватает.

То что-то как будто могло быть орудием убийства, мостом, переходником, а еще было острым, настолько невероятно острым, что он сам едва не порезался, осматривая лишь тень, напрягая концентрацию до максимума, пытаясь понять, чего от него хотят, для чего его насильно формируют таким способом...

Но и этого было недостаточно... ему необходимо приблизиться еще ближе, нужно полностью забыть о свое собственное тело, вознестись и влить собственную сущность до полого якоря... существовал только один способ реализации этого плана, который вообще мог бы сработать, как казалось Джоффри...

Он открыл глаза и посмотрел на фиал с ядом в руке, наклонив емкость так, чтобы лунные лучи, которые освещали Богорощу Красного Замка, идеально подсвечивали маленькую стеклянную смерть... Нед уже имеет подозрения, видимо, его уже не получится убедить... Станнис плетет свою интригу с Драконьего Камня, а Ренли собирает рыцарей и лордов на турнире... Игроки готовятся к войне, а потом зима придет и мертвые затопят мир живых, и Санса наверняка считает его монстром... он не знал, почему последнее предположение так сильно его задело...

Юноша задумчиво разглядывал яд. Турнир уже закончился, он не будет иметь возможности встать с кровати аж до самого полудня. Ему уже надоели все эти насмешки и интриги, относительно войны и смерти, относительно планов и надежд... Это делает его плохим человеком? Почему он вообще обращает на это?

Депрессивно-пустые миазмы, что окутывали его разум, отличались от ужасающего отчаяния, который он чувствовал раньше. Не тоски, ни сдавливающего горло призрака, который иногда пытался его задушить, ни ужасных воспоминаний о агонии. Он просто чувствовал себя... пустым. Таким же пустым, как и место для якоря внутри глубин души. Что ждет его впереди?

Интриги в столице. А после того - война, Робб и Тайвин, Ренли и Станнис, Бейлон и Дейнерис, и, наконец, Белые Ходоки... столько всего нужно сделать, ради столько вещей придется умереть. А если он убежит? То бросит всех на смерть, и затем конец света в конце концов догонит его, и бросит его душу обратно в бой... навсегда.

Что произойдет дальше в этой жизни? - подумалось. Все как будто уже начало рассыпаться на щепки, однако на самом деле ничего очевидно плохого еще не случилось. Бейлиша уже нет, он уже не будет путаться под ногами. Джоффри сможет натренировать новых разведчиков, он может попытаться отдалить войну, он может бросить Неда в темницу и держать его там живым, он может, он может... он может...

Он может. Но он этого не желает.

Почему я чувствую себя таким уставшим? - подумал парень, откинувшись спиной на ствол чардрево, когда какая-то невидимая сила словно умоляла закрыть глаза.

Возможно, ответ на вопрос даст мне новых сил, подумал Джоффри, посмотрев на емкость.

Возможно ответ на вопрос наконец убьет меня... подумал он снова, наклонив фиал, так что жидкость внутри снова взбаламутилась. Юноша откупорил емкость и выпил ее содержимое одним длинным глотком, глотая все до последней капли, и снова прислонен спиной к дереву. Он закрыл глаза и снова начал тонуть в глубинах самого себя, самосознание погружалась в глубины души и достигло места присоединения пустого якоря.

Он исследовал то место в течение определенного времени, пока зловещий треск становился громче, а Пурпур в вышине словно набирал новых сил и сиять стал еще ярче. Треск перерос в грохот, когда боль затопила все вокруг, и агония словно крушила конечности и гортань, вызывая пытки за пределами человеческого воображения.

Но вот впервые, как Джоффри не обращал внимания на это. Это не было бессмысленным отказом из безумия, ни храбрость или мужество. Он приветствовал боль с метафизической гримасой, держа ум в норме и дальше разглядывая пустой якорь;

Пурпур резал заживо его душу, намереваясь утопить жертву в агонии боли... но он не сдавался, его это не ослепляло. Юноша чувствовал невероятную мощь Пурпура, что потянула его за собой, все выше и выше, Столбы поглотили его и протащили через непостижимо сложную мешанину искаженных структур, больших чем все, что он когда-либо видел, больше, чем Хайтауэр, больше, чем горы Рассвета.

Его тянуло сквозь что-то, больше чем вечный горизонт Серого Света, больше, чем ночное небо и звезды вдали, и Джоффри знал, что если рискнет взглянуть и дальше, то буквально растворится в пустоте, но разве это будет настоящим забвением? Не просто привычным безумием?

Он позволил искушению раствориться в агонии, которая чрезвычайно сильно давила на его чутье, хоть и довольно парадоксально прочищала сознание; никакое сладкое оцепенение не скрывало зверства, совершаемый с его душой, когда естественный порядок космоса был нарушен ужасно диссонирующим звуком нереальности.

Все же он и дальше всматривался в этот якорь сквозь зубдробительную агонию, теряя последние остатки материальности, пока не осталось одно лишь сознание, и он чувствовал контуры той пустоты и постигал остроту, осознавал древности, принимал цель, спрятанную в магии и крови среди низменной силы и славы, которая ожидала повторного открытия перед миром, которую вскоре должен найти кто-то значительно, значительно более величественный чем ее создателей, что имел намного более важную цель - служить самодельным, отчаянным мостом, инструментом смерти, орудием творения, оружием войны, наследием собственной крови, чрезвычайно острым, острее чем привычная сталь, острым как валирийский металл, старый и забытый; инструментом, что воплотит цель своего существования. Что воплотит цель существования Джоффри. Что воплотит цель Пурпура.

Не было никакого перерыва в его сознании, никакого головокружения, чтобы скрыть воспоминания, никакого скрытого перехода, когда вечные Столбы гремели, а фракталы сияли, никакой дезориентации, когда боль взывала - и он открыл глаза в такой знакомой комнате в Красном Замке, без привычной рвоты, когда он встал с кровати и упал на колени на холодный пол, без всяких сомнений, смотря на свои ладони.

- Светлый рев - произнес юноша, разглядывая в памяти оба якоря, хотя на самом деле смотрел на свои ладони, подсвеченные лучами восходящего солнца с востока, которые просачивались сквозь окно. Табличка материализовалась над левой ладонью в мгновенном молчаливом водовороте фракталов, пока он задумчиво вглядывался в оба знака.

- Они хотят, чтобы я нашел Светлый рев, - сказал он вслух с железной решимостью, глядя на грубую карикатуру, вырезанную на пластине.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/1855607>